

УДК 947

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/122/61>

СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО И ЕГО ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

©Протасова О. Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950, канд. истор. наук,
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

©Бикбаева Э. В., Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, kafedrapr@mail.ru

SIBERIAN REGIONALITY AND ITS POLITICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE

©Protasova O., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-code: 3562-1950, Ph.D.,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru
©Bikbaeva E., Tambov State Technical University, Tambov, Russia, kafedrapr@mail.ru

Аннотация. Дискурс об этнонациональной идентичности, ставший в последние годы популярным на фоне оценок хода, результатов и перспектив глобализационных процессов, заставляет вновь обратиться к трудам идеологов сибирского областничества, или автономизма (1860-е – 1920), которые во второй половине XIX в. подняли вопрос о региональной «особости» Сибири, о необходимости собственного пути ее развития, о роли этого региона в общероссийской и мировой истории. Рассматриваются основные вехи развития и ключевые вопросы идеологии областничества. Показано, какие проблемы областники считали требовавшими незамедлительного разрешения, какие полагали возможным решить в длительной перспективе. Дана краткая характеристика взглядов ведущих идеологов областничества. Проанализирована специфика политико-идеологической позиции областничества в период формирования партийной системы России и в эпоху революций (1905-1907, 1917 гг.). Делается вывод, что областничество представляло собой локально-патриотическое движение, что отстраивало его от прочих политических партий – как общероссийских, так и национальных, и его деятельность имела преимущественно просветительно-пропагандистскую направленность, что вызывало понимание и симпатию у многих представителей передовой интеллигенции России.

Abstract. The discourse on ethnonational identity, which has become popular in recent years against the backdrop of assessments of the course, results and prospects of globalization processes, makes it necessary to once again turn to the works of the ideologists of Siberian regionalism, or autonomism (1860s - 1920), who in the second half of the 19th century raised the question of the regional "specialness" of Siberia, the need for its own path of development, and the role of this region in all-Russian and world history. The main stages of the development and key issues of the ideology of regionalism are considered. It is shown which problems the regionalists considered requiring an immediate solution, and which they believed could be solved in the long term. A brief description of the views of the leading ideologists of regionalism is given. The specifics of the political and ideological position of regionalism during the formation of the party system in Russia and in the era of revolutions (1905-1907, 1917) are analyzed. It is concluded that regionalism was a local patriotic movement, which set it apart from other political parties, both all-Russian and national, and its activities were primarily educational and propaganda-oriented, which evoked understanding and sympathy among many representatives of Russia's progressive intelligentsia.

Ключевые слова: областничество, автономизм, Сибирь, колония, метрополия, переселенчество, модернизация.

Keywords: regionalism, autonomism, Siberia, colony, metropolis, resettlement, modernization.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью переоценки в новейшее время значимости многих явлений политико-культурного характера (к ним относятся и идеологии), прежде считавшихся в исторической перспективе несостоятельными и потому не удостоенными комплексного научного исследования. То же касается целого ряда деятелей, инициировавших и продвигавших эти начинания.

Сибирский автономизм можно отнести к числу таких недооцененных направлений: даже в кругах образованных людей, не говоря о широкой публике, о нем знают довольно мало или не знают вовсе. Между тем в свете внимания, которое уделяется сегодня Сибири на общегосударственном уровне, ввиду признания исключительной важности этого региона для стратегического развития страны необходимо знать и об идеологическом вкладе сибирских патриотов прошлого в дело поиска оптимальных решений проблемы административно-территориального устройства России.

Во второй половине XIX века в интеллигентской среде народнического толка появился большой интерес к сибирской тематике. Об этом свидетельствовал, в частности, рост числа публикаций в прессе, затрагивавших тему Сибири, ее природы, населения, хозяйства, культуры. Стали появляться и художественные произведения, посвященные Сибири и сибирякам, вызывавшие у читающей публики искреннее любопытство. Значительную известность получили такие авторы, как В. Г. Короленко, В. Г. Богораз-Тан, С. Н. Кривенко, А. И. Иванчин-Писарев, Н. Г. Гарин-Михайловский, Н. Ф. Анненский, С. Я. Елпатьевский, П. Ф. Якубович (Мельшин) и др. [1].

Среди них были уроженцы Сибири, но большинство провели там годы на каторге или в ссылке. Все сибирское — и природа, и жизненные условия, и местный культурный колорит послужили для этих литераторов источником творческого вдохновения. Параллельно начали публиковаться и научные исследования из области истории, географии, этнографии, антропологии и т.п., основанные на большом эмпирическом материале, собранном за Уралом — в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере.

Такому всплеску интереса способствовал и сопутствовал целый ряд факторов. Модернизация страны требовала новых ресурсов — финансовых, энергетических, людских. То, что Сибирь — край неиссякаемых богатств, было хорошо известно и ранее, но во второй половине столетия необходимость их плотного освоения (и присвоения) была продиктована нуждами растущей промышленности. Попутно требовались разработка новых месторождений полезных ископаемых, поиск рынков сбыта на Востоке, строительство дорог. Сибирь, во многих отношениях фактически «непаханная» целина, была исключительно перспективна для хозяйственно-экономического развития страны, но при этом остро нуждалась в людских ресурсах. Человеческий дефицит зауральских территорий был частично компенсирован процессом переселенчества, начавшимся после реформы 1861 г. и активизировавшимся в 1880-х гг.

Это движение, несмотря на свою бесспорную полезность (необжитые земли заселялись людьми деятельными, умелыми, способными развивать хозяйство) было сопряжено с трудностями адаптации новоселов к местным условиям, в том числе необходимостью налаживания контактов с сибирскими «аборигенами» — как инородцами, так и российского происхождения.

Одновременно зарождалось и политико-патриотическое самосознание уроженцев сибирского края, возмущенных подчиненным, неравноправным положением их родных мест в сравнении с европейской частью империи, пренебрежением «метрополии» к нуждам сибиряков. Идейное направление, получившее во второй половине XIX в. название «областничества», зародилось в середине столетия и первоначально было известно как «сибирский местный патриотизм» [2].

Сибирское областничество (синоним – сибирский автономизм) можно охарактеризовать как систему взглядов значительной части сибирской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее своего края как особой области в составе российского государства.

Постепенно областничество стало влиятельным общественно-политическим и культурным движением, стремившимся реализовать свои идеи на практике. Увы, создать эффективно функционирующую общественную организацию, которая сумела бы достичь намеченной политической цели, областникам не удалось.

Материал и методы исследования

Основным материалом для данного исследования послужили труды ведущих теоретиков областничества, оставивших богатое научно-публицистическое наследие, в котором содержится анализ разнообразных тем сибирской проблематики.

Более широкий обзор сибирской проблематики помогает сделать и творчество литераторов-народников — современников и иногда соратников областников, хорошо узнавших Сибирь и ее этнокультурную специфику за годы добровольного либо вынужденного (по приговору суда) пребывания там.

Исследовательские методы, применяемые в статье — биографический, контент-анализ источников и исторической литературы, компаративный (сравнение и сопоставление), анализ, синтез.

Результаты и обсуждение

Зачинателями областнического направления признаются историки и педагоги П. А. Словцов и А. П. Щапов, первыми, кто, по выражению Г. Н. Потанина, «манифестировал сибирский патриотизм» — П. П. Ершов и А. А. Мордвинов, а наиболее видными идеологами в период «расцвета» областничества (вторая половина XIX в.) стали ученые, публицисты и общественные деятели Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. И. Наумов, М. В. Загоскин, А. В. Адрианов и др.

Первая волна областников отрицала существование в Сибири рыночных отношений и верила в возможность перехода к прогрессивному социальному строю с помощью общины, артельного производства, кооперации. Главным политическим запросом областников была федерализация России с введением широкой автономии для Сибири и предоставлением ее коренным народам национальнокультурной автономии [3].

Одним из базовых пунктов областнической программы было требование развития образования и культуры. Еще в 1860-х гг. местной интеллигенцией был поднят вопрос о необходимости открытия в Сибири университета.

Проблема автономизации Сибири была для областников тесно связана со спецификой складывания, а затем оформления собственного характера сибирской культуры как результата многовековой ассимиляции и аккультурации местного и пришлого населения — казаков, крестьян-переселенцев, беглых и отбывших наказание каторжников, спасавшихся от преследований по религиозным мотивам старообрядцев и др.

Этнокультурное многообразие стало фактором, отличавшим сибирский автономизм от прочих вариантов областничества в России. Другие окраинные территории были практически моноэтничны, и населявшие их коренные народы (поляки, украинцы, финны и др.) четко идентифицировали себя по этническому, точнее, в тогдашних условиях, этноконфессиональному, принципу. В Сибири же благодаря смешению народов, их языков и традиций сформировался особый антропологический и этнокультурный тип — сибиряк. Поскольку именно ему областниками отводилась миссия защиты интересов Сибири, в трудах идеологов автономизма периодически встречаются его характеристики.

Так, А. П. Щапов обращал внимание на роль естественной среды в становлении сибирского характера: суровость природы, которую необходимо было покорить и «приручить», обусловило «преобладание... физического развития над интеллектуальным», и в сравнении с великороссом-европейцем сибиряк предстает в оценке Щапова «более корыстным и буржуазным» [4].

Впоследствии писатели-народники П. Ф. Якубович и С. Я. Елпатьевский, обращаясь к теме сибирского характера, смягчили эти выражения — сибиряк более практичен, предприимчив, бережлив, чем «русский» [5, 6].

Г. Н. Потанин охарактеризовал сибиряка как тип «меркантильный». Всеми отмечалась несклонность сибиряков к художественной культуре, литературе и музыке, равнодушие к украшению жилища. Потанин объяснял все это особым видением жизни — как сплошных будней, лишенных красивых эпизодов, оттого сердце сибиряка «откликается... лишь на разговор о своих реальных нуждах» [2].

Грубость и диковатость сибиряка, отмеченные Н. М. Ядринцевым, оправдывались жесткостью условий, в которых развивалась цивилизация, и непосредственными контактами с местными коренными «дикими» народами: способ коммуникации с ними был соответствующим — без намека на принятый в «приличном» обществе этикет. Впрочем, подчеркивал Ядринцев, ближе к концу XIX столетия эти качества стали ощущаться гораздо меньше, чем полувеком ранее, им на смену приходят «некоторая самоуверенность, гордость и сознание особенностей своего областного типа» [7].

Зато в сибиряках много чувства внутреннего достоинства и свободы: они никогда не знали крепостного права, не жили общинным бытом, им не свойственны и патерналистские ожидания: начальство, правительство, царь — все они далеко, поэтому сибиряк отличается от жителя «Расеи» (так в простонародье именовали Россию) самостоятельностью, независимостью и... полным безразличием к событиям, происходящим к западу от Уральских гор.

Для конкретизации базовых пунктов концепции областничества приведем некоторые мысли виднейших идеологов этого движения, сыгравших в его становлении и развитии ключевую роль.

Одним из наиболее ярких представителей областничества, отметившийся не только общественной деятельностью и концептуальным оформлением идей областников, но и признанными успехами на ниве географической и этнографической наук, был Григорий Николаевич Потанин (1835-1920). На рубеже 1850-60-х гг. он стал у истоков кружка, объединившего студентов-сибиряков, учившихся в столичном университете. Среди них был еще один выдающийся представитель сибирской интеллигенции — будущий этнограф Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894), вместе с которым Потанин в дальнейшем развивал движение за автономию Сибири.

В постановке идейной проблематики областничества Г. Н. Потанин выделял следующие ключевые вопросы, необходимость разрешения которых была первостепенной: ссылка

уголовных, экономическая зависимость Сибири от мануфактуры европейской части России, абсентеизм молодежи, имелся в виду отток умственных сил Сибири в европейскую Россию [2].

Преодолеть существующее положение дел, понимали сибирские патриоты, было крайне сложно из-за традиционных установок метрополии: именно этими «качествами» Сибирь была ей полезна. Данные вопросы Потанин называл в отношении Сибири «внешними», в отношении европейской части России «колониальными, центробежными». «Внутрисибирскими» же вопросами Потанин считал «переселенческий» и «инородческий».

В отношении возможности осуществления благоприятной для Сибири правительственной политики Потанин был скорее скептиком, чем оптимистом. Он указывал, что даже позитивные изменения, инициированные центральной властью, будут носить скорее временный, чем постоянный характер, потому сибирское население постоянно должно находиться «в оборонительном положении». Такое положение сможет измениться лишь с установлением в Сибири широкого самоуправления, способного явиться надежной поддержкой общественному мнению [2].

Как патриот своей родной земли Потанин был огорчен тем, что отток молодых интеллектуальных сил в «метрополию» уменьшается очень слабо, несмотря даже на открытие в Сибири университетов. Сам он в студенческие годы принадлежал к той волне энтузиастов, которые во что бы то ни стало решили вернуться на родину, чтобы служить ее интересам. В оправдание молодежи он мог сказать, что для полного образования университетской науки мало, необходимы и широкие культурные коммуникации, институты, которыми Сибирь по сравнению с европейской Россией оставалась бедна. То, что в Сибири «нет собственной интеллигенции», Потанин считал оскорбительным для своей земли: ею управляют присланные из других областей чиновники, равнодушные к местным нуждам и аттестующие сибирское население как бездарное и невежественное [2].

Между тем формирование местной национальной интеллигенции позволило бы ей стать главным носителем духовно-культурного богатства провинции, выполняя функции культуротворческого социального слоя [8].

Главное препятствие, которое ей предстояло бы преодолеть — устранение «разобщения» с народом, установление с ним не механической, но органической связи [8].

Тема интеллигенции на момент пробуждения массового гражданского самосознания в России была ходовой для представителей разных идеологий, и в этом отношении областники не стали исключением. Ни один из «гуманитарных вопросов», однако, не мог быть положительно разрешен без эффективной экономической политики (по мнению Потанина, в повестке областников 1860-х гг. он был наименее разработан из-за отсутствия в составе последних квалифицированных экономистов) [2].

Сложность и многосоставность проблемы — распоряжение сибирскими финансами, устройство областного хозяйства, сбережение природных богатств, преодоление зависимости от «московской мануфактуры», защита труда местного населения — все это заставляло признать «зависимость от колониальной политики государства в отношении Сибири» [2].

Однако Россия в данном отношении должна отличаться от других держав, чьи колониальные владения населены дикарями, к судьбе завоеватели относятся безучастно. Сибирь — органическая часть российской территории, ее население полиэтнично, в его составе — не только сибирские автохтоны-«туземцы», но и множество народов, корни которых — территория Европы.

Вопреки рассуждениям о том, что автономистские устремления допустимы в случае выделения определенной области из состава государства своими этнографическими

особенностями и историческими традициями (как, например, на западных окраинах империи), сибиряки доказывали, что для Сибири это актуально, но по-своему – ее автономия должна зиждется не на этническом, а на экономическом начале. «Основа сибирской идеи чисто территориальная» [2], — утверждал Г. Н. Потанин.

Лозунг «Богатства Сибири – прежде всего для сибиряков» вполне может отражать устремления областничества.

Увы, экономический вопрос, самый сложный и противоречивый, по убеждению областников, не мог ожидать оперативного разрешения: тому виной были и недостаток специалистов, и хищническое отношение к сибирским ресурсам со стороны как правительства, так и «русского» предпринимательства. Налицо было также «отсутствие интересов солидарности сибирского крестьянина с интересами московского рабочего» [2].

Единственный выход из этих противоречий, по Г. Н. Потанину, — передача распоряжения собственным народным хозяйством местному населению, то есть коллегии из выборных чинов, сибирской областной думе.

Значительную часть русского населения Сибири составляли переселенцы, о которых Потанин и его единомышленники также считали нужным поставить ряд вопросов: как упорядочить процессы переселения и обустройства людей на новых местах, обеспечить бесконфликтное, обоюдовыгодное их взаимодействие с местным населением. Пополнение когорты сибиряков за счет переселенцев областники называли явлением положительным: крайне низкая плотность населения не могла способствовать развитию ни хозяйства, ни культуры в целом. Когда после отмены крепостного права начался отток крестьян из перенаселенных российских губерний на сибирские земли, активисты областников стали поддерживать эти процессы в литературе и публицистике.

Однако многие из них были обескуражены конфликтами, которые стали довольно часто возникать между новоселами и старожилами. Г. Н. Потанин отмечал мужественную и независимую позицию своего друга и соратника Н. М. Ядринцева, который, один из немногих, встал на защиту местного крестьянства, осуждаемого властью и большинством общественности за черствость, жадность, враждебность к вновь прибывающим. Основная масса дискутирующих по этому вопросу держали сторону переселенцев.

Впоследствии постановка этой проблемы переросла в дебаты по поводу распределения поземельного фонда Сибири, обсуждаемого в разных инстанциях: томских комиссиях, областном сибирском союзе, на крестьянских собраниях во время избирательной кампании в Государственную Думу [2].

Предвзятое отношение к характеру и культуре сибиряков возмущало деятелей областничества. По расхожему мнению, колонизация Сибири (имеется в виду ее заселение) осуществлялась преимущественно «отпетыми» — каторжниками, уголовниками, оседавшими на этих землях. Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков возражали, утверждая, что заселение ее росло за счет «самой предприимчивой и энергичной части русских людей».

Г. Н. Потанин высоко оценивал гуманистическую установку сибирских патриотов, которые, заботясь о будущем Сибири, не обходят вниманием ни один социальный сегмент, ни один этнос. Так, Н. М. Ядринцев привлекал внимание к правовому дефициту не только инородцев, но и русских сибиряков, которые, представляя, казалось бы, господствующий в колонии элемент, на деле не имеют возможности участвовать в устройстве жизни своей территории. И русское, и нерусское население Сибири, по Ядринцеву, — «два оселка, на которых пробуются степень гуманизма сибирского патриотизма», поскольку и ссыльные, и инородцы одинаково несчастные люди [2].

«Инородческий» вопрос также находился в поле зрения областников, которые старались убедить общественность и власти в необходимости улучшения условий жизни и быта коренных народов Сибири, иначе со всей остротой встанет угроза физического исчезновения части «некультурных племен».

Вопрос о текущем правовом статусе Сибири областники не находили принципиальным: как ни называли Сибирь — колонией или расширением империи на восток — политика в ее отношении со стороны центра, на взгляд автономистов, была однозначно своекорыстной. На этом основании сибирские патриоты именовали свою землю колонией.

В чрезмерной централизации власти и культурной жизни, особенно в таком огромном государстве, автономисты усматривали большой порок. Все лучшее, умное, способное сосредоточено в центре — в столицах и вокруг них.

Чем обширнее территория, тяготеющая к единому центру, тем обделеннее ее периферия, окраины. Областники рассуждали следующим образом. Если хотя бы финансы останутся в местном распоряжении, дело уже пойдет на лад: хотя бы предприниматели не станут уезжать за тысячи верст на целые месяцы для решения своих деловых вопросов, деньги не будут попусту «утекать» из области. Это, в свою очередь, вызовет потребность в людях культуры, и культурное движение в областях станет независимым от столичного мира, развиваясь в гармонии с местными условиями.

Огромное преимущество Сибири, по мнению областников, состояло в том, что ее молодежь располагает всеми условиями для устройства жизни по своему вкусу, стоит только как следует захотеть. С участием молодых сибиряков можно смело совершать реформы: любой правовой или социальный эксперимент не потребует от них болезненной ломки традиций и привычек, поскольку «исторической памяти» здесь нет. Так и должно быть, но только в том случае, если будет добыта автономия, независимость (по крайней мере, экономическая) от метрополии, считали областники.

Деятельность областников носила никоим образом не «подрывной» по отношению к государственным устоям, а пропагандистско-просветительский характер, и это обстоятельство, вкупе с уважением к патриотизму сибиряков, вызывало понимание и симпатию у многих представителей передовой интеллигенции России.

Целевой аудиторией автономистов были не народные массы в целом (чтобы массовое самосознание созрело до настоящего понимания автономистских идей, необходимы были годы и годы), а образованная часть горожан, прежде всего — молодежь, в руках которой должно было оказаться будущее Сибири.

У областников, впрочем, имелись планы начать агитационную работу среди крестьянства, но единичные попытки такой практики окончились неудачей: крестьянское население, с которым велись разговоры об автономии, не поддержало этой идеи [9].

Политические взгляды Г. Н. Потанина (именно он оказался наиболее «политизированным» среди старейшин областничества) можно оценить как «приверженец демократии»: четко идентифицировать его как народника, социал-демократа или либерала, пожалуй, не имеет смысла. Во-первых, к времени складывания партийной системы России Потанину было уже 70 лет.

Практически все его сверстники, вместе с ним стоявшие у истоков автономизма, на тот момент уже ушли из жизни. Вопрос партийного самоопределения не имел для ученого особенной актуальности. Во-вторых, в его сознании вполне уживались главные идеалы социализма и либерализма — свобода, демократия, права человека. Он не стал членом ни одной из партий (краткий период его эсерства, о котором речь пойдет ниже, не в счет), хотя с готовностью участвовал в политических акциях некоторых из них. В 1904-1905 гг. Союз

освобождения проводил банкетные кампании, и 12 января 1905 г. одна из таковых прошла в Томске под председательством Г. Н. Потанина.

Некоторые биографы Потанина пришли к выводу, что последний приветствовал сотрудничество социал-демократов с либералами, имея своего рода план, «в котором умеренно-либеральная форма сочеталась с радикально-революционным содержанием» и «... политической несовместимости между либералами и радикалами в начале XX в. не существовало» [10].

Вероятно, для него налицо было совпадение интересов либералов и социал-демократов на определенном этапе общественного движения в России — в преддверии Первой русской революции [11].

После Февральской революции 1917 г. Потанин, перешагнувший 80-летний рубеж, вновь приобщился к политической деятельности: волна демократизации, захватившая теперь уже республиканскую Россию, не обошла стороной и Сибирь, возродив надежды на ее автономизацию. Лозунги автономистов нашли отклик у местных эсеров. Поддержка областничества со стороны самой массовой из российских партий побудила Потанина вступить в ее ряды, но пробыл ученый там не более трех месяцев. В июне он отмежевался от эсеров, заявив, что не является социалистом [12].

Что касается кадетов (в первой половине 1917 г. их позиции как защитников дела революции были еще достаточно сильны), то за выступление омской и иркутской кадетских организаций против создания областной думы Потанин назвал их «Акакиями Акакиевичами» [12].

То, что Потанин после Октябрьского переворота не поддержал большевистского курса, раздражало новую власть, но слава и авторитет выдающегося сибиряка заставили местную прессу отреагировать на его смерть 30 июня 1920 г. В печатном органе томского парткома газете «Знамя революции» были опубликованы извещения о кончине, времени панихиды и погребения Г.Н. Потанина, а также посвященный ему довольно большой некролог. Впрочем, последний отнюдь не следовал принципу «о мёртвых или хорошо, или ничего». В нем Потанин, которому отдавалось должное как деятелю науки, был аттестован как «орудие в руках наемников и прихвостней буржуазии против рабочих и крестьян, ... белогвардейский своры», в этом качестве «принесший вред рабочему классу» и т.п. При этом антибольшевистская позиция учёного снисходительно «объяснялась» его преклонным возрастом и болезнями [13].

Общие оценки сибирского областничества как политического движения в общероссийском масштабе были не слишком лестные: якобы оно явилось результатом местного локального конфликта центра и периферии и не имело самостоятельной теоретической базы для развития [14].

В нем усматривали нечто «маргинальное», во всяком случае, с точки зрения «чистых» идеологий: в нем сосуществуют элементы западнического и славянофильского (или «самобытного»), что-то взято из социализма, что-то явно консервативно, в чем-то — отсылки к либерализму и т.п. [15].

Однако следует учесть, что областничество изначально складывалось не как политическая партия, группирующаяся вокруг и на основе идеологии, а как регионалистское движение, выступавшее прежде всего против центризма в любом проявлении: культурного, социального, а значит, и исторического [16].

Областники намеренно противопоставляли периферию центру, провинцию столице, считая себя выразителями интересов и потребностей именно провинциальной культуры, стараясь доказать, что она не менее значима и может быть не менее «качественна», чем культура столичная, великороссийская. Если попытаться условно определить место, которое

областники занимали среди других политических организаций, то, очевидно, оно было ближе всего к умеренному, эволюционному народничеству, чья философская система не противоречила их идеалам, а взгляд на интеллигенцию как ключевой фактор общественной эволюции, своеобразный «локомотив» развития гражданственности и культуры у широких масс и вовсе совпадал. Областники настаивали, что интеллигенция должна не просто быть носителем определенных знаний и идей: если в ней нет любви к родине (в первую очередь – малой родине), ее культуроносная роль будет ничтожна [8].

Народники и неонародники были согласны с тем, что именно на интеллигенции лежит миссия служения трудовым массам, в то время как официальная внутренняя политика оценивалась ими как «народоборческая», нацеленная на поддержание в народе центробежных настроений, «консервацию невежества и настороженности к новым веяниям» [17].

Не так далеко автономисты отходили от основных принципов либерализма, и можно было бы говорить об их идейной близости с кадетами, если бы не один пункт: о территориальном устройстве государства. Либералы выступали за единую и неделимую Россию, что расходилось с федералистскими устремлениями областников. Поэтому социалисты-революционеры и народные социалисты, выступавшие за федерализацию, оказались в 1917 г. более естественными их союзниками. Ряд видных областников входил в ПСР [18].

Были и некоторые эпизоды сотрудничества областников с неонародническими партиями в период Великой Российской революции 1917 г. Так, Г. Н. Потанин выдвигался в депутаты Всероссийского учредительного собрания в Иркутском избирательном округе от областников по спискам Блока Иркутской группы областников-автономистов и Иркутской группы Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), в Томском округе — от ТНСП [18].

От этой же партии баллотировались А. В. Адрианов (в августе 1917 г. он вошел в ее состав), В. М. Крутовский [19].

Г. Н. Потанин фактически не принимал участия в предвыборной кампании, хотя его фамилия открывала списки областнических кандидатов. Результаты выборов не могли удовлетворить областников: самым большим их достижением стало четвертое место в Томске, где они набрали 4 419 голосов [12].

Среди деревенских избирателей они потерпели провал, безнадежно проиграв эсерам [12].

Политические страсти, кипевшие по всей стране, не миновали и Сибирь. На областнических съездах в октябре и декабре 1917 года в Томске было объявлено об автономии Сибири в составе России. Конкуренция за влияние развернулась между эсерами и кадетами. Потанин поначалу поддерживал социалистов, заслужив от либералов обвинения в измене, но вскоре идея установления «однородно-социалистической власти» (от народных социалистов до большевиков) вызвала в нем резкий протест. Он оценил лишение цензовиков возможности участвовать в политическом обустройстве Сибири как угодничество перед большевиками. 15 декабря был создан Временный сибирский областной совет, состоявший преимущественно из эсеров; председателем Совета стал Г. Н. Потанин. Не принимая непосредственного участия в работе Совета, патриарх областников не возражал против использования эсерами его имени для консолидации антибольшевистских сил. 30 декабря 1917 г. он официально заявил об отставке с поста председателя Совета, уступив место лидеру омских эсеров П. Я. Дерберу [12].

Летом 1918 г. областники вновь оказались вовлечены в борьбу за власть. После свержения большевиков была провозглашена независимая Сибирская республика, однако просуществовала она недолго – с 17 июня по 3 ноября. Исполнительная власть в ней

принадлежала Временному Сибирскому правительству во главе с П. В. Вологодским, законодательная — Сибирской областной думе [20], состоявшей почти целиком из эсеров.

Но у местной общественности по-прежнему не было согласия: эсеры выступали за отделение Сибири от России, а кадеты поддержали А. В. Колчака, декларировавшего идею «единой и неделимой России». Сибирь оказалась втянутой в гражданскую войну, и борьба за судьбу региона на ее просторах в конечном итоге обратилась борьбой за власть в столице. После разгрома Сибирской республики и окончательного установления советской власти те из областников, что остались живы, эмигрировали, а движение постепенно затихло

Заключение

В заключение следует сказать, что «сибирефильство» (еще один термин, данный своему направлению активистами областничества) имело, несмотря на организационную неуспешность в общероссийском масштабе, большое общественно-политическое и еще большее культурное значение. При этом движение носило внеклассовый, надпартийный, широкий демократический характер, направленный на защиту интересов всех без исключения жителей сибирского региона. Ни в коем случае не следует ассоциировать «классическое» областничество с последними годами жизнедеятельности этого направления, когда областники-эпигоны оказались, кто вольно, а кто и невольно, вовлеченными в борьбу за власть, окончившуюся для них бесславно.

Автономисты концентрировали внимание прогрессивной общественности на актуальных проблемах своей земли, знакомили россиян с особенностями ее пестрого населения, исподволь внушая к нему сочувствие, уважение, желание помочь. Призывы к отделению Сибири, звучавшие в ранний период областнической истории, «были лишь средством привлечь внимание к проблемам региона и пробудить сибирское общество» [21].

Если областников можно упрекнуть в сепаратизме, то только «культурном»: областничество было формой регионального самосознания и культурного самоопределения инородцев и русских насельников Сибири. Изначальным основанием выступления сибиряков за автономию послужило, по их собственным словам, «экономическое соревнование частей государства», точнее, диспропорция в развитии европейской и зауральской территорий, неравенство, поощряемое и гиперболизируемое властным ресурсом. Эту проблему сибирские патриоты считали самой сложной и осуществимой лишь в достаточно отдаленном будущем и, как следствие, видели в сибирской областнической тенденции долгосрочную перспективу, жизнеспособность. В начале XX века в идейных установках сибиряков ряду аналитиков виделись черты западноевропейских концепций цивилизационного развития с отказом от гипертрофированной централизации огромного государства, проблемы всех отдаленных частей которого стекались бы для решения в одном общем правительстве и общей Думе, и требованием федеративного устройства.

Такой путь вызывал одобрение прогрессистов, считавших создание в Сибири своих собственных органов власти и самоуправления более чем обоснованным.

Норвежский путешественник Ф. Нансен, посетивший Сибирь в 1913 г., нашел естественным существование здесь «значительной партии, мечтавшей о гомруле». Примечательно, что практически все чаяния сибирских патриотов относительно светлого будущего их земли, бережного, но активного освоения ее природного достояния, культурного и гражданского развития населения осуществлены в настоящее время — сегодня никому в голову не придет назвать Сибирь «колонией», «окраиной» или даже «провинцией». Не вызывает сомнения факт, что «уровень благосостояния современного российского общества в значительной мере зависит от природных богатств Сибири» [22].

Научное, гуманитарное, политико-культурное наследие идеологов областничества столь объемно и многогранно, что и сегодня требует систематизации, разностороннего осмысления и потому вызывает неослабевающий интерес ученых. Дискурс об этнонациональной идентичности, ставший в последние годы популярным на фоне оценок хода, результатов и перспектив глобализационных процессов, заставляет вновь обратиться к трудам областников, ведь именно они во второй половине XIX в. исторически первыми подняли тему региональной «особости» Сибири, собственном пути ее развития, роли в общероссийской и мировой истории.

Список литературы:

1. Протасова О.Л. Сибиряк как этнокультурный тип (в оценке идеологов областничества и неонародничества конца XIX – начала XX вв.) // Общество и власть России в период модернизации второй половины XIX–XX века: Материалы Всероссийской научной конференции. Тамбов, 2024. С. 252-260.
2. Потанин Г. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
3. Шиловский М. В. Областничество. <https://clck.ru/3RGydn>
4. Лучинский Г. Щапов Афанасий Прокофьевич. <https://clck.ru/3RGydL?clckid=51309d1f>
5. Протасова О. Л. Сибирь и сибиряки в идейно-творческом осмыслении писателей-неонародников (конец XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2023. №4 (81). С. 24–32.
6. Протасова О. Л. Идеологи областничества о территориальном статусе, населении и перспективах развития Сибири (конец XIX - начало XX вв.) // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №4. С. 619-632. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/79>
7. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб: И.М. Сибиряков, 1891. 720 с.
8. Головинов А. В., Бортников С. Д. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев о значении интеллигенции в социокультурном пространстве региона // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №2-1. С. 237-240.
9. Краснов А. 175 лет со дня рождения Григория Потанина – лидера сибирских областников. <https://globalsib.com/8383/>
10. Селиверстов С. В. Воздействие ГН Потанина на формирование мировоззренческих позиций ГД Гребенщикова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. №1. С. 179-182.
11. Игибаев С. К. Г. Н. Потанин-великий путешественник, ученый, демократ // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №5 (97). С. 49-57.
12. 30 июня. Уничтожительный некролог, дерзкая эпитафия (к 100-летию со дня смерти Г. Н. Потанина). <https://clck.ru/3RGyd3>
13. Бакшеев А. И. Сибирское областничество: XIX – начало XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. №3. С. 126-136.
14. Демин И. В. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин: диалог либерализма и консерватизма в сибирском областничестве // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. №4 (28). С. 243-252.
15. Областничество в исторической ретроспективе. <https://clck.ru/3RGycD>
16. Протасова О. Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
17. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.

18. Шиловский М. В. Полнейшая самоотверженная преданность науке. Г. Н. Потанин: биогр. очерк. Новосибирск: Сова, 2004. 241 с.
19. Шиловский М. В. Когда мир рушился. А. В. Адрианов (1854-1920) // Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007. 376 с.
20. Алтайская правда. 2014. 5 июня. https://www.ap22.ru/paper/paper_12401.html
21. Областничество в исторической ретроспективе. <https://clck.ru/3RGycD>
22. Зайнутдинов А. Э. Цивилизационная идентичность Сибири от областничества рубежа XIX – XX веков к современному сибирству // Региональные исследования. 2012. №2. С. 81-97.

References:

1. Protasova, O. L. (2024). Sibiryak kak etnokul'turnyi tip (v otsenke ideologov oblastnichestva i neonarodnichestva kontsa XIX – nachala KhKh vv.). In *Obshchestvo i vlast' Rossii v period modernizatsii vtoroi poloviny XIX–XX veka: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Tambov*, 252-260. (in Russian).
2. Potanin, G. (1907). Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri. Tomsk. (in Russian).
3. Shilovskii, M. V. Oblastnichestvo. <https://clck.ru/3RGydn>
4. Luchinskii, G. Shchapov Afanasii Prokof'evich. <https://clck.ru/3RGydL?clckid=51309d1f>
5. Protasova, O. L. (2023). Sibir' i sibiryaki v ideino-tvorcheskom osmyslenii pisatelei-neonarodnikov (konets XIX – nachalo KhKh v.). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4 (81)), 24–32. (in Russian).
6. Protasova, O. (2024). Ideologists of Regionalism on the Territorial Status, Population and Development Prospects of Siberia (End of XIX - Beginning of XX centuries). *Bulletin of Science and Practice*, 10(4), 619-632. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/79>
7. Yadrintsev, N. M. (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie. St. Petersburg. (in Russian).
8. Golovinov, A. V., & Bortnikov, S. D. (2012). GN Potanin i NM Yadrintsev o znachenii intelligentsii v sotsiokul'turnom prostranstve regiona. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2-1), 237-240. (in Russian).
9. Krasnov A. 175 let so dnya rozhdeniya Grigoriya Potanina – lidera sibirskikh oblastnikov. <https://globalsib.com/8383/>
10. Seliverstov, S. V. (2007). Vozdeistvie GN Potanina na formirovanie mirovozzrencheskikh pozitsii GD Grebenshchikova. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 6(1), 179-182. (in Russian).
11. Igibaev, S. K. (2017). GN Potanin-velikii puteshestvennik, uchenyi, demokrat. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5 (97)), 49-57. (in Russian).
12. 30 iyunya. Unichizhitel'nyi nekrolog, derzkaya epitafiya (k 100-letiyu so dnya smerti G. N. Potanina). <https://clck.ru/3RGyd3>
13. Baksheev, A. I. (2019). Sibirskoe oblastnichestvo: XIX – nachalo XX v. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, (3), 126-136. (in Russian).
14. Demin, I. V. (2014). N.M. Yadrintsev i G.N. Potanin: dialog liberalizma i konservatizma v sibirskom oblastnichestve. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (4 (28)), 243-252. (in Russian).
15. Oblastnichestvo v istoricheskoi retrospektive. <https://clck.ru/3RGycD>
16. Protasova, O. L. (2004). A.V. Peshekhonov: Chelovek i epokha. Moscow. (in Russian).
17. Protasov, L. G. (2014). Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: Entsiklopediya. Moscow.
18. Shilovskii, M. V. (2004). Polneishaya samootverzhennaya predannost' nauke. G. N. Potanin: biogr. ocherk. Novosibirsk. (in Russian).

19. Shilovskii, M. V. (2007). Kogda mir rushilsya. A. V. Adrianov (1854-1920). In Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: Biograficheskie ocherki, Novosibirsk. (in Russian).
20. Altaiskaya pravda (2014). 5 iyunya. https://www.ap22.ru/paper/paper_12401.html
21. Oblastnichestvo v istoricheskoi retrospektive. <https://clck.ru/3RGycD>
22. Zainutdinov, A. E. (2012). Tsivilizatsionnaya identichnost' Sibiri ot oblastnichestva rubezha XIX – XX vekov k sovremennomu sibirstvu. *Regional'nye issledovaniya*, (2), 81-97. (in Russian).

Поступила в редакцию
16.11.2025 г.

Принята к публикации
23.11.2025 г.

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л., Бикбаева Э. В. Сибирское областничество и его политико-культурное значение // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №1. С. 492-504. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/122/61>

Cite as (APA):

Protasova, O., & Bikbaeva, E. (2026). Siberian Regionality and Its Political and Cultural Significance. *Bulletin of Science and Practice*, 12(1), 492-504. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/122/61>